

Открытие мемориальной доски на доме, в котором жил В.В. Радлов (7 линия В.О., 2/1) и которая исторически располагалась там, но была демонтирована в 1920-е годы, станет замечательным началом в очень нужном и важном деле отдания долга памяти человеку, благодаря которому существует наш Музей.

А.Б. Радзюн, М.В. Хартанович

АКАДЕМИК В.В. РАДЛОВ И АНАТОМИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ КУНСТКАМЕРЫ

В конце 1898 г. в Академию наук поступило письмо начальника Военно-медицинской академии академика В.В. Пашутина о передаче в Военно-медицинскую академию анатомической коллекции Кунсткамеры:

«В Императорской Военно-медицинской академии имеются богатые музеи анатомический и патологоанатомический, служащие как для целей преподавания, так и для ученых изысканий многочисленных врачей, занимающихся в Академии. Имеющаяся в Императорской Академии наук коллекция анатомических и патологоанатомических препаратов, ввиду преследуемых этою Академией задач и отсутствия в ней кафедр по медицинским специальностям, едва ли приносит науке такую пользу, какую она принесла бы по перемещении ее в ведение Военно-медицинской академии. А посему имею честь обратиться к Вашему превосходительству с покорнейшею просьбою о содействии, чтобы означенная коллекция препаратов была пожертвована учебно-вспомогательным учреждениям вверенной мне Академии» [Протоколы Общего собрания. СПб., 1898 г. Параграф 151 протокола № 10 заседания от 5 декабря 1898 г.].

Следует сказать, что Санкт-Петербургская Императорская Медико-хирургическая академия была создана в 1798 г. В том же году при ней был образован единый музей кафедры физиологической анатомии, возникший на базе предшествующих анатомических кабинетов Санкт-Пе-

тербургских госпитальных школ. Интересно, что уже в 1762 г. в описи экспонатов кабинета Сухопутного госпиталя были отмечены препараты знаменитого голландского анатома и врача Фредерика Рюйша. Эта небольшая коллекция (28 препаратов) была получена во время путешествия Петра I в Европу в 1697–1698 гг. в качестве дара ему от анатома. По-видимому, она первоначально поступила в Медицинскую канцелярию и была передана Сухопутному госпиталю, став впоследствии гордостью Военно-медицинской академии.

В истории Военно-медицинской академии был период, который называли ее «золотым веком». Он связан с деятельностью П.А. Дубовицкого, назначенного президентом этого учреждения в 1857 г. За десять лет своей работы этот прекрасный организатор сумел не только отремонтировать все имеющиеся у академии здания и выстроить великолепные новые в стиле строгого классицизма лечебные корпуса, но и привлечь к работе в академии большую плеяду молодых талантливых ученых, сыгравших важную роль в дальнейшем развитии академии и установлении ее традиций. Так что к своему столетию академия подошла и с самобытной системой отечественного медицинского образования, и с хорошо развитой материальной базой. Ее руководству хотелось ознаменовать юбилей получением прекрасных анатомических коллекций, поэтому оно и обратилось с приведенным выше письмом в Императорскую Академию наук.

Обсудив письмо, конференция постановила: запросить по этому вопросу мнение директора Музея антропологии и этнографии Императорской Академии наук В.В. Радлова, не присутствовавшего на том заседании, когда рассматривалось письмо [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. № 51. Л. 70].

Мы приводим полностью ответную записку В.В. Радлова как свидетельство ситуации в музее на рубеже веков и отношения Радлова как директора к вверенному ему учреждению. Орфография и пунктуация приведены в соответствии с нормами современного русского языка.

«Избранный в 1895 году директором Музея по антропологии и этнографии при Императорской Академии наук, я, приняв вверенное мне имущество, вскоре убедился, что коллекции наши не имеют соответствующего помещения. Этнографические собрания, несмотря на тесноту зал и непрактичную мебель, благодаря стараниям хранителя музея Руссова, возможно было, хотя отчасти, выставить для публики и предохранять от порчи; относительно же анатомических и тератологических препаратов достаточно сказать, что для них не оказалось другого поме-

щения, кроме грязной кухни, в подвальном этаже, не гарантированном от наводнений.

Не находя иного помещения для выше указанных коллекций и сознавая всю серьезность нравственной ответственности в случае порчи их, я тогда же высказался, что гораздо добросовестнее было бы отдать их другому ученому учреждению, которое сумеет найти для них приличное помещение и отнесется к ним с должным вниманием. Удерживая у себя коллекции в столь неудобных условиях хранения, мы рисковали заслужить суровый, но справедливый упрек за порчу и утрату научных материалов, которые более двухсот лет собирались нашими предшественниками.

Представители естествознания в Императорской Академии наук, гг. академики Первого отделения, вероятно, сознавая, что передача в другие руки вышеозначенных коллекций равносильна закрытию отдела антропологии при нашем Музее, безусловно, отвергли мой проект. Я думаю, что не ошибаюсь на счет мотивов, которыми руководились в этом случае академики-натуралисты, так как мы имели случай убедиться, насколько настоятельно признавалась Первым отделением необходимость включить в круг занятия Академии антропологию. Не имея штатной кафедры по этой отрасли знаний в Академии и пожелав заместить этот пробел в своих рядах, не выходя из пределов существующего устава, Конференция Академии на кафедру третьего зоолога избрала Московского профессора Д.Н. Анучина, большая часть трудов которого относится к различным областям антропологии.

Таковы были взгляды нашей Академии на значение антропологии и относящихся к этой науке пособий. Ныне же, когда Музее удалось найти приличное помещение для антропологических коллекций и сделать их вполне доступными для изучения, я совершенно неожиданно получаю приглашение высказаться по вопросу о передаче тератологических коллекций нашего Музея во вновь возникающий Анатомический музей при Военно-медицинской академии.

Прежде всего, я должен отметить, что тератологические коллекции не имеют никакого отношения лично к моим научным занятиям. С передачей их и я, и рабочий персонал Музея избавился бы от многих хлопот по хранению этих коллекций; у нас сохранились бы деньги, уходящие ныне на покупку спирта, посуды и на другие расходы, необходимые для содержания препаратов в порядке; у нас освободилось бы помещение для других коллекций, в чем мы крайне нуждаемся. Словом, с точки зрения облегчения своих обязанностей и личных удобств, я ничего не мог иметь против передачи тератологических коллекций в Военно-ме-

дицинскую академию; но, как директор Музея и академик, я считаю своим долгом подать голос против подобного предложения. Крайность и опасения за целостность коллекций заставили меня несколько лет назад внести подобный проект на рассмотрение Конференции, но теперь, когда мне удалось поместить выше упомянутые коллекции безопасно и прилично, я приношу мою искреннюю благодарность гг. академикам Первого отделения за их стойкость в деле охраны научного достояния Академии и за отрицательный ответ на мое прежнее предложение.

Как директор Музея, я не могу смотреть на это вверенное мне учреждение как на кабинет или лабораторию для личных моих занятий; не могу согласиться на передачу коллекций только потому, что они не интересуют меня лично. Наоборот, чем менее я компетентен в оценке научного значения какого-либо собрания, тем с большею осторожностью и большим вниманием должен я относиться не только к передаче, но и ко всякой в составе его перемене. Будь я специалистом по антропологии, я сумел бы и определить научное значение просимых у нас коллекций и отделить в них наиболее важное от второстепенного; теперь же я, не пускаясь в эту мало знакомую мне область, напомним только Собранию мнение основателя Музея по антропологии при Императорской Академии наук и одного из отцов самой науки антропологии, покойного академика К.М. фон Бэра: он считал коллекцию аномалий в органическом развитии одной из существеннейших частей основанного им Музея. Предоставляя оценку этого воззрения специалистам, я буду поддерживать тезис о неотчуждаемости коллекции Музея иными соображениями.

Учреждение, имеющее на своих руках Музей, должно приращивать, а не уменьшать его собрания. Музеи, как и библиотеки, могут только меняться коллекциями, и то только дубликатами. Предлагает ли Военно-медицинская академия нам что-либо взамен просимых от нас коллекций, я не слыхал; да и в собраниях, о которых идет речь, нет и не может быть дубликатов. Я, кроме того, должен заметить, что Военно-медицинская академия желает получить от нас более трети коллекций всего нашего Антропологического музея, и у нас совсем упразднится целый отдел аномалий в развитии животного мира. Согласившись на предложение об отдаче этих коллекций Военно-медицинской академии, мы вместе с тем должны будем упразднить и самый Антропологический музей. Раздача коллекций — фатальный признак для Музея вообще, а в данном случае изменится и основной план его, составленный фон Бэром. Чтобы продолжать начатое не нами, нужен будет новый план, новая программа; но если б такой план и был выработан, кто стал бы

помогать нам в осуществлении его после того, как мы отдали бы треть коллекций нашего Музея? Кто стал бы доставлять антропологический материал в учреждение, которое раздает его в другие руки и со страшною поспешностью меняет свои взгляды на задачи Музея: то, что 35 лет тому назад считалось неотъемлемою частью Музея, признается ныне совершенно ненужным, подлежащим отчуждению.

В затронутом вопросе о передаче коллекций нельзя оставить без внимания и обстоятельство, имеющее чисто временный характер, а именно: в прошлом году мы хлопотали о расширении штатов нашего музея, мотивируя наше ходатайство необходимостью увеличить рабочие силы его для приведения коллекций в порядок, мы говорили, что нам нужны денежные средства для покупок новых коллекций, так как путем пожертвований отделы музея увеличиваются крайне неравномерно. Штаты новые вошли в законную силу с 1 января, рабочий состав музея усилен, средства увеличены, и мы начинаем нашу новую деятельность с раздачи наших коллекций.

Отказываясь от оценки этих коллекций с точки зрения современной антропологии, я, тем не менее, осмеливаюсь утверждать, что они имеют громадное значение для истории наук в России. Начало положено им самим Петром Великим, и они служат живым и осязательным памятником заботливости его о развитии просвещения в России. Как член старейшего русского ученого учреждения, основанного тем же государем, я считал бы обязанностью Академии наук хранить это наследие преобразователя России при основанном им же ученом учреждении, даже если б в глазах современных ученых оно потеряло всякое научное значение. Хранить до тех пор, пока его не истребит время» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 53. Л. 60–66. См. также Протоколы общего собрания Академии наук. 1899. Заседание 9 января 1899 г., протокол № 5. С. 3–5].

Объяснения В.В. Радлова написаны очень эмоционально, в них он не щадит и себя, в то же время они буквально пронизаны беспокойством за судьбу музейных коллекций. Для нас же они особенно интересны тем, что дают откровенную характеристику положения дел в Музее в конце XIX в.

Просьба о передаче анатомических коллекций в собственность Военно-медицинской академии и пламенная отповедь В.В. Радлова дали положительный эффект. Физико-математическим отделением Академии наук была создана комиссия для рассмотрения вопроса об анатомическом собрании Музея. Было принято решение о приведении коллекций в порядок, возвращении препаратов, взятых другими учреждениями,

и составлении полного списка анатомических коллекций, принадлежащих Музею [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. № 51. Л. 71]. Анатомическое собрание, включающее и первые коллекции Кунсткамеры императорской Академии наук XVIII в., не покинуло ни своих исторических стен, ни своего исторического владельца.

Е.С. Соболева

ПЕРВЫЕ ГОДЫ БЕЗ РАДЛОВА: МАЭ в 1918–1922 гг.

Академик Василий Васильевич Радлов (1937–1918) заложил основы деятельности целого ряда музеев. Первый опыт в этом плане он приобрел как директор академического Азиатского музея (1885–1890). 16 марта 1894 г. В.В. Радлов вступил в заведование академическим Музеем по антропологии и этнографии (далее — МАЭ). К этому времени он имел высокую репутацию полевого и кабинетного ученого, специалиста в области востоковедения, филологии и языковедения, в 1884 г. был избран ординарным академиком Императорской Академии наук (далее — ИАН) по части истории и древностей азиатских народов. Его организационные таланты проявились в серии археологических и этнографических экспедиций, в которых работали квалифицированные сотрудники. В 1872 г. он создавал систему татарских школ в Казанском учебном округе. Одновременно он составлял и распространял инструкции по собиранию [Радлов 1895] и регистрации коллекций [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 а — 1916. Ед.хр. 163. Л. 390–393 об], которые стали базовыми для многих провинциальных российских музеев.

Очевидно, МАЭ предоставил ему ту форму деятельности, в которой нашли наиболее полное воплощение опыт, интересы и планы В.В. Радлова. Все 24 года директорства (1894–1918) он неустанно искал способы фиксации и показа традиционной культуры, адаптировал достижения современного ему мирового опыта, находил способы реализовать задуманное, решая множество организационных проблем и неустанно разъясняя и пропагандируя величественные задачи, которые он ставил перед МАЭ — наследником первого музея России — Кунсткамеры.